

А. Ю. СОЛОВЬЕВ

ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ К ТРАГЕДИИ А. П. СУМАРОКОВА «ДИМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ»

В исследованиях трагедии Сумарокова «Димитрий Самозванец» давно стало общим местом, что образ действий Самозванца загадочен и требует изучения драматургической логики, заставляющей его совершать те или иные поступки. В равной степени он требует исторического комментария.

Конфликт трагедии строился вокруг того, что Димитрий — злодей. Однако в сценическое время им совершается только одно безусловное злодеяние (если не считать таковым самоубийство в последней строке, венчающее его преступный путь) — попытка насильно жениться на Ксении и связанные с этим действия (заключение под стражу ее жениха Георгия и отца — Шуйского). Остальное мы узнаем из реплик персонажей, это внесценические события, относящиеся к прошлому и уже им известные. Вероятно, первым зрителям трагедии не было известно о герое пьесы столько, сколько самому Сумарокову в 1770 г. Однако он мог рассчитывать на то, что они воспримут образ Димитрия именно в том ключе, который был нужен автору.

Экспозиция трагедии отличает ее и от предшествующей драматургии Сумарокова, и от трагедий, послуживших ему образцами: например, от «Ричарда III» У. Шекспира, на которого, как справедливо считается (М. П. Алексеев и др. исследователи), Сумароков ориентировался. У Шекспира тиран все свои злодеяния совершает во время действия пьесы. Напоминающий Самозванца исторический злодей Нерон Ж. Ра-

сина, герой трагедии «Британик» (сходство пьес отмечали Г. А. Гуковский, А. Фельдберг, Н. А. Гуськов),¹ еще только готовится к известной нам роли тирана: драматург особо оговаривал в предисловии к изданию пьесы, что хочет показать его становление. В каком-то смысле ближе всего к самозванцу Ирод из «Рождественской драмы» Дмитрия Ростовского: злодейская натура библейского царя, конечно, была прекрасно известна зрителям, к тому же она проявлялась в ходе сценического действия. Нравственная характеристика персонажей ранней русской драматургии, в отличие от героев Шекспира и Расина, задана тем, что известно помимо сюжета пьесы, их путь заранее определен. Поэтому можно говорить о влиянии на «Дмитрия Самозванца» пьес школьного театра.²

И все же этим влиянием не ограничивается ее своеобразие, по сравнению с ориентированными на классицистическую трагедию ранними представителями сумароковского трагедийного творчества. Тема подлинной русской истории, которой в пору создания «Дмитрия...» Сумароков был, кажется, увлечен более, чем когда-либо (и прежде всего XVII в.), в полный рост заявляет о себе в этом произведении.

Тексты, окружающие трагедию в отдельном издании, говорят о том, что Сумароков решал среди прочих задачу создания образа Самозванца с точки зрения исторической достоверности. Объяснение Сумарокова к опубликованному им портрету Лжедмитрия замечательно не только тем, что автор обращает внимание читателей на редкость гравюры и курьезность ее содержания: *подлинный* портрет *ложного* Дмитрия. Сумароков указывает на особенности внешнего облика Лжедмитрия, которые позволяли современникам принимать его за чудесно спасшегося царевича Дмитрия. Эти приметы для писателя — исторические детали, а Самозванец — историческая фигура. Использование портрета заглавного действующего лица — возможно, уникальный случай для

¹ См.: Гуковский Г. А. Расин в России / Пер. с фр. и примеч. А. О. Дёмина // XVIII век. СПб., 2013. Сб. 27: Пути развития русской литературы XVIII века. С. 434–480; Фельдберг А. Трагедия Сумарокова как риторический текст: Дис. на соискание ученой степени *magister artium* по русской литературе. Тарту, 1996; Гуськов Н. А. Жанровое своеобразие драматургии писателей сумароковской школы // Языгулянский сборник. СПб., 1997. 2: Язык. Литература. С. 79–88.

² Первым развернуто написал об этом И. Клейн: Клейн И. Русская литература в XVIII веке. М., 2010. С. 165–166.

русских пьес в XVIII в., а место, выбранное для него в композиции издания трагедии (портрет с примечанием помещен перед текстом), задает общий тон: речь пойдет о реальных событиях, а не о вымысле.

В самой трагедии верность исторической правде, как ее понимал автор, тоже должна была проявиться.

Говоря о том, что знал Сумароков о Лжедмитрии, мы не можем обойти свидетельств самого писателя. Прежде всего это «Краткая московская летопись», опубликованная им в 1774 г. В главке «Димитрий Самозванец» (самом пространным из приведенных им персональных описаний правителей Москвы) Сумароков отмечал значение характерных черт внешности Самозванца, указанных им и в примечании к портрету: «<...> я во извинение моего отечества сие предлагаю. Как не поверить было возможно, что сей самозванец не подлинный Димитрий? Имел он крест и печать точно данные царевичу: приметы на лице и на теле были точные, как у царевича: одна рука короче, как у царевича: мать его признала и любила, а он ее почитал». Другое место позволяет опереться на него как на подтверждение дидактического задания пьесы: «<...> хотя и все почитали его подлинным Димитрием, но государем, недостойным престола <...>». ³ Ср. в реплике Пармена: «Димитрий ты иль нет, сие народу равно». ⁴

Точных сведений о времени написания «Краткой московской летописи» нет, и утверждать, что во время подготовки трагедии (1769–1770 гг.) Сумарокову были известны те же источники, нельзя. Как мы знаем из писем к Г. Ф. Миллеру, ⁵ ставшему в конце 1760-х гг. главой

³ Сумароков А. П. Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе <...>. М., 1781. Ч. 6. С. 175–176.

⁴ Сумароков А. П. Избр. произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 432 (Библиотека поэта. Большая сер.). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: Сумароков 1957, с указанием номера страницы.

⁵ Письма А. П. Сумарокова / Публ. В. П. Степанова // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 103, 108, 118–120, 145. Впервые опубликовано П. Н. Берковым (с ответами Миллера) по фотокопиям М. А. Арзумановой: Берков П. Н. Шесть писем А. П. Сумарокова к историографу Г.-Ф. Миллеру (1767–1769) и четыре записки последнего к Сумарокову // XVIII век. Л., 1962. Сб. 5. С. 376–382. Берков утверждал, что как «исторические работы Сумарокова выросли главным образом из чтений архивных материалов, выдававшихся и доставлявшихся ему Миллером, по тогдашним порядкам, на дом», так и его «литературные замыслы» «связаны были с чтением архивных материалов, присылавшихся ему и даже копировавшихся для него» (см.: Там же. С. 378).

московского архива Коллегии иностранных дел, обращение к каким-то архивным документам в этот период было, но трудно установить, к каким именно и для работы ли над трагедией. Лжедмитрий упоминается в письме от 21 октября 1767 г. (просьба прислать «Ряду, бывшую во время ложного Димитрия»),⁶ но больше всего вопросов вызывает следующий фрагмент из письма от 17 апреля 1769 г.: «Найдите для меня что-либо более достойное примечания и чтобы это было из времени царствования Михаила Федоровича. А если это будет еще старше, тем лучше».⁷ Миллер мог подсказать опубликованные или широко распространенные в списках источники, а с чем-то Сумароков мог познакомиться в его бумагах.⁸

Именно к фигуре Миллера и его сведениям мы и обратимся прежде всего. Из того, что Миллер и другие академические историки опубликовали до написания трагедии Сумарокова, конкретно об эпохе Лжедмитрия мы почти ничего не найдем. В 1767 г., когда Сумароков просил списать Ряду времен Димитрия, вышла первая часть «Русской летописи по Никонову списку». В 1768 г. Миллер начал издавать вторую редакцию «Истории российской» В. Н. Татищева (она доведена только до времени Федора Иоанновича). Однако бумаги Татищева, отложившиеся в т. н. портфелях Миллера (ныне РГАДА. Ф. 199), содержат записи Татищева о Самозванце, а также грамоты патриарха Игнатия и самого Лжедмитрия о восшествии его на престол.⁹ В распоряжении Сумарокова было достаточно материалов для формирования общего взгляда

⁶ Письма А. П. Сумарокова... С. 108.

⁷ Там же. С. 121 (оригинал по-немецки).

⁸ М. А. Салмина обнаруживает знакомство Сумарокова с «выписками из материалов летописного характера» уже в сочинении «О первоначалии и сизидании Москвы» (1759), связывая это с доступностью ему архива Академии наук (см.: *Салмина М. А. Древнерусские повести о начале Москвы в переработке А. П. Сумарокова* // ТОДРЛ. Л., 1958. Т. 15. С. 381–382).

⁹ РГАДА. Ф. 199 (Портфели Миллера). Портфель 133. Ч. 1. № 6, 9. Опубл.: *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел*. М., 1819. Ч. 2. С. 201–207. Там же находилась и грамота Шуйского о ложном Димитрии, а также письма, найденные после смерти Лжедмитрия, «о злых его делах и намерениях» (РГАДА. Ф. 199 (Портфели Миллера). Портфель 133. Ч. 1. № 16, 17; опубл.: *Собрание государственных грамот и договоров*... Ч. 2. С. 308–313). С. Л. Пештич утверждал, что Миллеру должны были быть известны татищевские рукописи продолжения «Истории Российской» (см.: *Пештич С. Л. Русская историография XVIII века*. Л., 1965. Ч. 2. С. 219).

на состояние самодержавия и облик людей, стремившихся к власти в эпоху Смуты.

В 1761 г. Миллер опубликовал в «Ежемесячных сочинениях» статью «Опыт новейшей истории о России». В ней в частности говорилось:

Когда вся история должна из примеров показывать нам правила, по коим учредить и расположить наши поступки; то не токмо похвальные дела производят сие действие; но и рассказывание о порочных, безрассудных, дерзновенных, изменнических и бесчеловечных делах в себе содержат толь много полезного, что еще казаться может сомнительным, имеют ли в том преимущество благополучнейшие и достохвальнейшие случаи, что касается до пользы в нравовании и политике. Человеку сродно взирать на доброе дело, выключая самых чрезвычайных, яко на обыкновенное, без великого восторга. Но злое возбуждает ужас, когда живо изображается.¹⁰

Задачи истории в этой трактовке не противоречат задачам трагедии, по Сумарокову: «<...> чрез действие ум тронуть», хорошая трагедия, как «Меропа» Вольтера, может иногда и «без любви» тронуть «всех сердца» (Сумароков 1957; 119, 121).

В той же статье Миллер отмечал, что из материалов по истории Смуты «еще ничего <...> в печать не произведено, но все хранится в библиотеках и кабинетах».¹¹ Основной источник этого рода — «Летопись о мятежах и о разорении Московского государства».¹² Раньше уже высказывалось предположение, что Сумароков был знаком с «Летописью...» до опубликования ее М. М. Щербатовым (1771).¹³

Это возможно, но требует уточнений. Лишь в 1770 г. Щербатов получил разрешение пользоваться московским архивом Коллегии иностранных дел, где, по-видимому, и прочел «Летопись...». Сумароков же зимой-весной 1770 г. закончил первый вариант трагедии. Так что

¹⁰ См.: Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1761. Январь. С. 6 (вся работа была опубликована в номерах с января по апрель).

¹¹ Там же. Январь. С. 8.

¹² Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по представлении царя Ивана Васильевича; а паче о междугосударствовании по кончине царя Феодора Иоанновича, и о учиненном исправлении книг в царствовании благоверного государя царя Алексея Михайловича в 7163/1655 году / Собрано из древних тех времен описаний; изд. М. М. Щербатовым. СПб., 1771; 2-е изд.: М., 1788.

¹³ *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 172.

знакомство с этим документом должно было состояться до Щербатова, при посредничестве Миллера, опиравшегося на «Летопись...» в «Опыте...».¹⁴ Остается открытым вопрос, видел ли Сумароков саму рукопись или только знал ее содержание со слов Миллера.

«Летопись...» была создана в середине XVII в. и отражает официальный взгляд на историю Смуты. Именно «в это время формируется новая идея о русском самодержце как верховном покровителе всего православия, начинается исправление церковных книг и обрядов», а следовательно, и взгляд на историю тоже отражает эту идею, в этом же духе трактуется политика России в отношении Речи Посполитой.¹⁵

Приведем ряд отрывков, в которых, на наш взгляд, могло иметь место обращение Сумарокова к этому источнику.

В словах Пармена (Д. 1; Явл. 1), впервые сообщающих о злодеяниях Димитрия, содержатся подробности, имеющие под собой реальную основу:

Ты много варварства и зверства сотворил:
Ты мучишь подданных, Россию разорил,
Тирански плаваешь во действиях бесчинных,
Ссылаешь и казнишь людей ни в чем не виновных,
Против отечества неутолим твой жар,
Прекрасный стал сей град темницею бояр.
Отечества сыны все счастьем одинаки,
И здравие твое брегут одни поляки.

(Сумароков 1957; 427–428)

По сведениям «Летописи...» в более позднем изложении М. М. Щербатова, члены около семидесяти семей, связанных узами родства с Годуновым, были отправлены в ссылку, заключены в монастыре или убиты, а их имения были «употреблены в дачу награждений пришедшим с ним

¹⁴ В части, касающейся периода между смертью Ивана Грозного и царствованием Бориса Годунова, почти до конца которого «Опыт...» Миллера был доведен в публикации 1761 г., когда был получен запрет на продолжение (см.: Каменский А. Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) // Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России: Избранное. М., 1996. С. 391). Однако очевидно, что и дальнейшие события должны были быть прекрасно известны Миллеру по «Летописи...».

¹⁵ Ляпин Д. А. «Летопись о многих мятежах» в контексте исторической памяти и самодержавной идеологии Российского государства середины XVII в. // Новое прошлое. 2016. № 2. С. 168.

полякам, что уже и тогда некоторое огорчение произвело в народе». ¹⁶ Сама же «Летопись...» передает события отчасти красочнее, но чуть менее информативно: «По том дойдено под Орел, и кои стояху за правду, не хотяще на диявольскую лесьть прельститися, ему оклеветани быша, а прочих повелено переимати и разослать по темницам, Ивана ж Годунова послаша в тюрьму в Путимль (так! — *А. С.*), а иных по иным городам разослав, он Гришка нача думать, како бы ему послати к Москве»; «Годуновых же и Сабуровых и Вельяминовых переимав, всех раздаша за приставы, дома же их все разграбиша миром, не токмо животы пограбили, но и хоромы разломаша, и в селех их и в поместьях и в вотчинах также пограбиша»; «<...> всех же Годуновых и Сабуровых и Вельяминовых с Москвы послаша по тюрьмам в понизовые города и в Сибирские, единого ж от них Семена Годунова сослаша в Переславль Залесской со князем Юрьем Приимковым Ростовским, и там его удавиша»; «Он же Расстрига, сшед с коня, пойде по храмом, и нача петь молебная, а латыня литва сидяху и трубяху в трубы и бияху в бубны. От Лобного ж места пойде во град в Царские хоромы и нача пировати. Людие ж московские многие его, окаянного, опознаху и плакахуся о своем согрешении, и не можаху, что и сделати, окроме рыдания и слез». ¹⁷

Отрывок из монолога Ксении (Д. 2; Явл. 1) содержит несколько мотивов, кажущихся на первый взгляд риторическим нагромождением обвинений Димитрия, но становящихся ясными при обращении к «Летописи...»:

Извержет еретик толпой своих рабов
Тела святых мужей, ругаясь, из гробов.
В России имена их вечно сокрушатся,
И дома божии в Москве опустошатся.

(*Сумароков 1957; 439*)

На наш взгляд, здесь отразились такие события, как низложение патриарха Иова с престола и его молитва, в которой тот называет Лжедмитрия еретиком, а также перезахоронение тела Бориса Годунова (из Архан-

¹⁶ *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен / Соч. князь Михайлом Щербатовым. СПб., 1791. Т. 7. Ч. 2: Царствования Лжедмитрия и Василья Иоанновича Шуйского. С. 11.

¹⁷ Летопись о многих мятежах... С. 89, 90–91, 93, 95.

гельского собора в Варсонофьевский монастырь вместе с телами жены и сына), — все находящиеся в изложении «Летописи...».¹⁸ О реакции Самозванца там говорится так: «Он же, окаянный, рад бысть».¹⁹ Хотя на роль «святого мужа» царь Борис не годится, но «Летопись...» фиксирует сам мотив, использованный Сумароковым в пророчестве Ксении. Что касается опустошения храмов, то «Летопись...» приводит такую характеристику деяний Самозванца: «Он же, окаянный, и наипаче ярящися на православных христиан, многих поймав, разными пытками пыташе. <...> Он же рассылаше по темницам...».²⁰

С именем патриарха Игнатия в трагедии связано не так много, он упоминается всего дважды, но одно из этих упоминаний указывает на принципиальное сходство с «Летописью...».

Георгий (Д. 3; Явл. 3) характеризует его так:

Еще духовные духовну власть имеют,
Еще Игнатию противостати смеют
И бодрствуют еще противу ересей,
Которы, папствуя, нам сеет пастырь сей.
(Сумароков 1957; 448)

Здесь довольно точно отразились сведения из биографии Игнатия, указанные в «Летописи...», его изначальная приверженность ереси, назначение патриархом в обход духовных властей: «<...> Расстрига начат думати, како бы избрать на престол Патриаршеский такого ж окаянного, каков и сам. От Папежския бо веры бояться взяти вскоре; и взя из Рязани Архиепископа Игнатия <...> Царь бо Борис, не познав в нем, окаянном, ереси, посла его на Рязань...».²¹ Щербатов высказывается определеннее: «<...> понеже не безызвестны были самозванцу и внутренние расположения сего архиепискупа в рассуждении веры, и он видел в нем точно такого поборника своих намерений, какого он желал, то не по избранию духовенства, но по собственной своей власти, июня 23 числа патриархом его наименовал».²² Упоминаемые Георгием

¹⁸ Летопись о многих мятежах... 2-е изд. С. 92–94.

¹⁹ Там же. С. 94. Здесь и далее пунктуация источников приближена к современной.

²⁰ Там же. С. 97.

²¹ Там же. С. 95.

²² Щербатов М. М. История Российская... С. 21.

Галицким духовные смеют противостоят патриарху и в силу его воззрений, и потому, что он не был ими надлежащим образом избран.²³

Начальник стражи (Д. 4; Явл. 2) сообщает о бегстве патриарха:

Игнатий-патриарх во ересь дрожал,
И се, лукавый муж из града убежал.
(Сумароков 1957; 457)

По сведениям «Летописи...», Игнатий был низложен уже после воцарения Василия Шуйского, и здесь Сумароков с ними расходится.²⁴

Главное нарушение Димитрием своих царских обязанностей, вменяемое ему в трагедии, — это обещание папе Клименту перевести Россию в католичество:

Пармен
Восточной церкви здесь закон совсем падет,
Под иго папское царь русский нас ведет.

Димитрий
В законе Климент мя присягой обязал,
А польский мне народ услуги показал.
(Сумароков 1957; 428).

«Летопись...» говорит об этом договоре так: «...он, окаянный Гришка, им даде на том обещание, что с ними (поляками. — А. С.) быти в одной еретической вере».²⁵ В трагедии же о поляках говорится очень общо, а задание перевести Россию в католичество приписывается отношениям с Климентом, поляки лишь исполнители.²⁶

Действие трагедии застает Димитрия в тот момент, когда народ уже «смущается» его злодеяниями (которые, вероятно, до этого покорно переносил), а сам он усугубляет свое положение планами женитьбы на дочери Шуйского Ксении (имя ее, конечно, подсказано именем дочери Годунова: у исторического Шуйского детей, переживших младенческий возраст, не было).

²³ Подробнее дискуссию об избрании Игнатия см.: Ульяновский В. И. «Священство» и «царство» в начале Смуты: Московские Патриархи, российские монастыри, духовенство Востока. М.; СПб., 2021. С. 145–146.

²⁴ Летопись о многих мятежах... С. 103.

²⁵ Там же. С. 79.

²⁶ Такое обещание действительно было дано, см.: Бильбасов В. Письмо Лжедмитрия Клименту VIII // Русская старина. 1898. № 5. С. 307–309.

В «Истории Российской» Щербатов излагает историю насилия над Ксенией Годуновой, неизвестную опубликованному варианту «Летописи...», по списку ее, полученному от князя М. Н. Волконского.²⁷ Неизвестно, по какому источнику эту историю узнавал Сумароков, но она должна была быть ему известна.²⁸

В «Летописи...» женитьба Лжедмитрия непосредственно предшествует главке «О убиении Расстригине» (но там это свадьба с Мариной Мнишек, не названной в тексте по имени, фигурирующей там как дочь сandomирского воеводы). Эта событийная последовательность повторяется в пьесе Сумарокова, хотя, конечно, данная сюжетная сцепка (притязания тирана на чужую невесту — восстание против него) типична для трагедий и, в частности, для трагедий самого Сумарокова.

Подчеркивается в «Летописи...» роль Шуйского в низложении Лжедмитрия: «Боярин князь Василий Иванович Шуйской с братьею начаша помышляти, чтоб православная Христианская вера до конца не разорилась».²⁹ По приказу Самозванца заговорщиков сажают в тюрьму, и только заступничество царицы Марфы спасает жизнь Шуйского. Но он вновь вынашивает замысел освободить Россию от Дмитрия, в соответствии с единодушным желанием московских жителей «чтоб и досталь православная Христианская вера разорена не была. На него ж Расстригу больше всех яряшеса, той же князь Василий Иванович Шуйской с братьею собрався, прииде на него того ж месяца мая в четвертый-надесять день».³⁰

Роль Шуйского в «Летописи...» и в трагедии Сумарокова обнаруживает сходство с еще одним возможным источником — «Повестью, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов» (1606 г.; название в части списков: «Повесть, како отомсти всевидящее око Христос Борису Годунову пролитие неповинные крови нового страстотерпца благоверного царевича Дмитрея Угличского») — произве-

²⁷ Щербатов М. М. История Российская... С. 24.

²⁸ Возможно, по «Ядру российской истории», до публикации ее Миллером в 1770 году известной по спискам. Отметим, что в «Кратком московском летописце» Сумароков упоминает насилие, учиненное Лжедмитрием над Ксенией Годуновой.

²⁹ Летопись о многих мятежах... С. 96.

³⁰ Там же. С. 100. У Щербатова ошибка: «...чтоб и досталь православная Христианская вера разорена не была, на него ж Расстригу больше всех яряшеса. Той же князь Василий Иванович Шуйской...» (курсив мой. — А. С.). Сердечно благодарю К. Н. Лемешева за это указание и ряд ценных советов.

дением эпохи Смутного времени. Рассматривавшие его связь с «Димитрием Самозванцем» исследователи считали, что Сумароков не только заимствовал из «Повести...» сведения, но также следовал источнику в трактовке образов. Противопоставление Шуйского, с одной стороны, и Годунова и Лжедмитрия, — с другой, сопровождается там религиозно-нравственными оценками: последние два — искушенные дьяволом преступники (убийца и вероотступник соответственно), Шуйский же — добрый христианин и патриот, награждаемый Богом.³¹

Шуйский в трагедии — один из основных двигателей сюжета. Мы можем заключить из его действий и реплик других персонажей, что он искусный политик, способный и влиять на монарха, и поднять восстание против него, — но разработка этого характера все же не слишком зависела от трактовки его образа в исторических источниках.

В сравнении с современной событиям «Повестью...» «Летопись...» представляется более вероятным источником сведений Сумарокова об эпохе Самозванца. Хотя «Повесть...» и предлагает религиозно-нравственную трактовку событий, в ней главным грешником оказывается Борис Годунов. Народ же принимает Димитрия как наказание неправедному царю Борису: «Людие же рустии прияша размышления во сердцах своих и полагаху на щедроты Божия, мневше тому в правду быти <...>. А про Бориса добре ведают, яко неправдою восхити царство и подсече древо благоплодия, еже есть правоверного царя нашего Феодора, и много бесчисленно пролил неповинныя христианския крови, доступаючи того великого государства. И с радостию ожидаху его (Самозванца. — А. С.), и никто же ста братися противу его...».³² В трагедии народу дается политическая, а не династическая или религиозная мотивировка суждений о Димитрии:

Когда б не царствовал в России ты злонравно,
Димитрий ты, иль нет, сие народу равно
(Пармен; Д. 1; Явл. 3);

Коль был бы подданным ты счастьем и отрадой,
Народ бы твоего престола был оградой
(Пармен; Д. 2; Явл. 6);

³¹ Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. С. 172–174; Русская литература — век XVIII. Трагедия / Сост., подгот. текстов и коммент. П. Е. Бухаркина, Н. Д. Кочетковой, Е. Д. Кукушкиной и др.; отв. ред. Ю. В. Стенник. М., 1991. С. 696 (коммент. Ю. В. Стенника).

³² Русская историческая библиотека. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 158.

Благополучна нам монаршеска держава,
Когда не бременна народу царска слава.
(Георгий; Д. 3; Явл. 5).

(Сумароков 1957; 432, 443, 451)

На вопросе о том, что означало на общественно-политическом языке эпохи — и самого автора — понятие «народ», мы здесь подробно останавливаться не будем; если отбросить дидактические аллюзии на современность, которым уделено внимание нашими предшественниками, очевидно, что под народом в этих репликах понимаются жители Москвы. Подчеркнем, что в трагедии Сумарокова ему отведена роль политической силы. Такого же взгляда придерживается и «Летопись...», сообщая о народных настроениях (используются обозначения «людие русти», «людие московского государства»), от которых зависела судьба монархов.

Возможно, «Повесть...» и помогла Сумарокову в оценке Дмитрия как Божьего орудия мщения. Отметим, однако, что таковым называет себя только сам Самозванец, окружающие же его персонажи не оценивают его деяния как наказание стране за грехи Смуты. Сама Смута не поминается ими, имя Годунова встречается лишь дважды, Иван Грозный назван один раз, причем о том и другом говорится в одной и той же реплике Шуйского (Д. 1; Явл. 4):

Ты наш монарх и сын монарха Иоанна:
В Соборной церкви нам глава твоя венчанна.
Тираном был у нас злонравный Годунов:
Ты грозен, праведен: отец твой был таков.

(Сумароков 1957; 433)

Намного чаще в качестве злодеев упоминаются паписты и поляки.

Подытожим. Персонажи пьесы Сумарокова называют и осуждают прегрешения Дмитрия (кроме, собственно, самозванства) на протяжении всего действия. Причем многое в описании этих прегрешений опирается на источники, которые в конце 1760-х гг. были известны только избранной ученой публике.

Выявление всех источников не входит в задачи настоящей статьи, это задача академического комментария к трагедии. Мы показали конкретные переключки и убедились, что, независимо от того, каков был реальный источник (или источники) Сумарокова, для историзма трагедии принципиально важно, что именно вероотступничество Димит-

рия — основание его греховности. Внимание к конфессиональному конфликту между Самозванцем и его подданными было общим местом всех возможных источников сведений Сумарокова о Лжедмитрии. Поэтому видеть в сосредоточении сюжета трагедии вокруг этой проблематики след только их влияния неправильно, это нужно вынести за скобки. С одной стороны, выявляя конкретные заимствования, нужно обращать внимание на детали, которые не относятся к этому конфликту, а с другой стороны, говоря об оппозиции «православные — католики» применительно к «Димитрию Самозванцу», — искать связанный с нею современный политический контекст, важный при дворе и для среды, к которой было обращено творчество Сумарокова.

Вернемся здесь к материалам, которыми Сумароков сопровождал публикацию текста трагедии — «историческое примечание» о портрете Самозванца, статья о «слезной драме» и письмо Вольтера. Политическое назначение трагедии было не общим, а конкретным и было связано с тем, какому реальному кругу зрителей и читателей она предназначена. Неудача предполагавшейся постановки в Москве после скандала с генерал-губернатором графом П. С. Салтыковым подвигла Сумарокова не только хлопотать о передаче «Димитрия...» на петербургскую сцену, но и усилила в его издании «антимосковскую» направленность обращения к публике. С Москвой ассоциировалось «повреждение нравов», отсутствие вкуса, «подъяческий» уровень аудитории — Петербург же и двор выступали как хранители высокой традиции. Сумароков получил поддержку и от Вольтера — корреспондента Екатерины II, и от Фальконе (снабдившего его портретом Лжедмитрия для издания), и от петербургских покровителей (возможно, Г. В. Козицкого или Орловых), благодаря чему состоялась постановка на придворной сцене, зафиксированная в первом издании трагедии. Этот элемент был усилен в опубликованном тексте, но до этого не вовсе отсутствовал, что ясно из истории создания: после неудачи с «Вышеславом» Сумароков остро нуждался в произведении, которое будет понято при дворе, будет уместно там и вернет утраченные, по его мнению, позиции. Это не должно было быть достигнуто только за счет совершенства пьесы: был необходим «правильный» сюжет. Меньше всего мы хотели бы представить Сумарокова писателем, продающим вдохновение. Но он не мог не думать как об осуществлении постановки и публикации новой трагедии, так и о том, что, кроме славы и коммерческого успеха, она может ему принести. В письмах, отправлявшихся в Петербург — самой императрице,

Козицкому, Орлову, — он отчитывался о ходе работы над текстом трагедии, а значит, придавал ей официальное значение. Таким образом, контекст политических событий, важных для придворной жизни конца 1760-х — начала 1770-х гг., необходимо учитывать при анализе творческого замысла Сумарокова.

Здесь оговорим, что другая политическая тема, обладавшая реальной актуальностью во время написания трагедии (как и на протяжении всего XVIII в., а по крайней мере, в период драматургической активности Сумарокова), — тема легитимности монаршей власти нами не рассматривается. По этому вопросу существует обширная литература.³³

Между тем обращение к эпохе Смутного времени в аспекте религиозной проблематики имеет четкий ориентир в событиях конца 1760-х гг., важный для российского двора. Речь идет о событиях, предшествовавших первому разделу Речи Посполитой, — о борьбе Барской конфедерации с русской партией при польском короле, Станиславе II Августе Понятовском, вылившейся в военный конфликт, ставший, в свою очередь, основным поводом к русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Этот очевидный политический контекст (на котором, кажется, именно в силу очевидности, подробно не останавливались) необходимо конкретизировать.³⁴

Основной пункт напряжения в польском вопросе конца 1760-х гг. — это политические права конфессиональных групп в Речи Посполитой: православных, католиков и униатов. Русское правительство через сво-

³³ Вопрос затрагивался Г. А. Гуковским, особенно Ю. В. Стенником (см.: *Стенник Ю. В.* Жанр трагедии в русской литературе: Эпоха классицизма. Л., 1981. С. 69–71), из работ последнего времени назовем: *Levitt M. C.* Sumarokov's Russianized «Hamlet»: Texts and Contexts // *Levitt M. C.* Early Modern Russian Letters: Texts and Contexts. Boston, 2009. P. 76–102; *Ospovat K.* The (Dis)empowered People: Kingship, Revolt and the Origins of Russian Tragic Drama // *Acta Slavica Estonica VI*. Tartu, 2014. P. 38–58 (*Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*; XIV: Russian National Myth in Transition) (здесь о «Гамлете», но концепции и многие выводы авторов приложимы и к «Димитрию Самозванцу»); *Morris M. A.* Writing the Time of Troubles: False Dmitry in Russian Literature. Academic Studies Press. [Boston], 2018. P. 26–39.

³⁴ О польском вопросе в период царствования Екатерины II см.: История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона) / Институт российской истории РАН. М., 1998. С. 168–197 (сер.: История внешней политики России); *Носов Б. В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. / Отв. ред. В. К. Волков. М., 2004; *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772. 1793. 1795. М., 2002.

его посла князя Н. В. Репнина и лояльного к Екатерине II короля проводило в своих интересах политику восстановления политических прав диссидентов — православного населения восточных областей Польши. Вмешательство Екатерины во внутренние дела государства и пророссийская политика правительства вызвали недовольство, а потом открытый протест части шляхты, объединившейся в вооруженный союз — Барскую конфедерацию. Противостояние вылилось в конце концов в интервенцию и первый раздел Польши. Сумароков, через Н. И. Панина неплохо ориентировавшийся во внешнеполитической ситуации,³⁵ стремившийся утвердить свои позиции при дворе и последовательно приурочивавший постановки своих пьес к императорским дням, вряд ли случайно обратился к эпохе наиболее острого (и в военном, и в конфессиональном смысле) противостояния России и Польши в предшествовавшей истории отношений двух стран.

Трактовка, которую мы предлагаем в качестве аллюзионного плана пьесы, сводится к следующему. Католикам не важно, каков правитель (в России или Польше), главное, чтобы он принадлежал к их партии. Православные же надеются, что монарх будет «отцом народа». Папа Римский и сам самозванный наместник Бога на земле, и поддерживает таких же бессовестных самозванцев. (Более того, судя по описанию Димитрия, папе еще и свойствен грех гордыни: «отцом отцов» его должны признать подопечные ему христиане). Католичество в «Димитрии Самозванце» предстает экспансионистской религией, равнодушной к судьбам народов. В контексте русско-польских отношений того времени эти оценки получали злободневное звучание.

На Сейме 1767 г. после выступления папского нунция с призывом поддерживать незыблемость католической веры «присутствовавшие стали говорить, что пожертвуют жизнью, но не допустят ущерба католической вере и своим правам».³⁶ Это — согласно официальному диарию Сейма, а, согласно донесениям Н. В. Репнина Н. И. Панину, нунций собирался сорвать Сейм.³⁷ Укажем также на небольшую, но любопытную деталь. В решении Сейма от 21 февраля 1768 г., утвердившем по-

³⁵ См.: *Алексеева Н. Ю.* Значение дружбы с Н. И. Паниным для творчества А. П. Сумарокова // XVIII век. СПб., 2017. Сб. 29: Литературная жизнь России XVIII века. С. 60–80.

³⁶ *Носов Б. В.* Установление российского господства в Речи Посполитой... С. 609.

³⁷ Там же. С. 609–610.

становление его специальной комиссии, говорилось о «предоставлении православным и протестантам свободы совести и богослужения, избавлении их от юрисдикции католических судов», комиссия «уравняла в гражданских правах представителей всех конфессий».³⁸ Загадочные отсылки к протестантам в отповеди Пармена тирану («Сложила Англия, Голландия то бремя, / И пол-Германии» (Сумароков 1957; 428))³⁹ проясняются в этом контексте: в Польше речь шла и о православных, и о протестантских диссидентах.

Говоря о связи русско-польских отношений и «Дмитрия Самозванца», нужно иметь в виду несколько уточняющих обстоятельств.

Во-первых, политика русского правительства в Польше не содержала элементов критики католичества или противостояния ему, а риторика официальных выступлений зиждилась на поддержке единоверцев.

Во-вторых, близость к официальной русской позиции по польскому вопросу Сумароков проявлял в своем творчестве и раньше. Так, Н. Ю. Алексеева отмечает качественное отличие произведений 1760-х гг. от предшествующих:

Вместо беспомощных журнальных од 1750-х годов из-под его пера начинают выходить оды, наполненные реальным политическим содержанием. Он все чаще освещает события, о которых другие поэты не говорят, и напротив, может обойти молчанием то, что воспевают полк одописцев. Новому видению событий Сумароков был обязан, по-видимому, Панину. Как, если не его влиянием, можно объяснить, например, появление в сентябре 1764 года оды Сумарокова только что избранному польскому королю Станиславу Понятовскому, избрание которого было результатом долгой и кропотливой дипломатической работы Панина, первой его крупной победой на посту главы иностранной коллегии. Едва ли он внушил Сумарокову мысль обратиться к новому королю с одой, но несомненно, что своим пониманием важности этого события и восприятием его как торжества России поэт был обязан дипломату.⁴⁰

³⁸ *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II... С. 118.

³⁹ И. Клейн называет пафос защиты православия в трагедии соответствующим политике правительства в 1760-х гг., особо отмечая, что Екатерина II противопоставляла себя «чересчур симпатизировавшему Пруссии и протестантизму» Петру III (см.: *Клейн И.* Любовь и политика в трагедиях Сумарокова // *Клейн И.* Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 372–373). Открыто выраженная симпатия к протестантам в словах Пармена вступает в конфликт с этим предполагаемым прозелитизмом.

⁴⁰ *Алексеева Н. Ю.* Значение дружбы с Н. И. Паниным... С. 76.

Далее исследовательница отмечает информированность Сумарокова, позволившую ему выступить с одой «На восшествие на престол 1768 года 28 июня», в которой говорилось о будущей русско-турецкой войне задолго до ее объявления; о планах могло быть известно только узкому кругу лиц, связанных с верхушкой дипломатического ведомства (Никита Панин). Но этой информированности приходит конец, когда Сумароков переезжает в Москву в январе 1769 г.: с этого времени он «опаздывает со своими одами».⁴¹ Полагаем, что с польскими делами была та же ситуация, что и с архипелагскими, и Сумароков был в курсе последних событий только до 1769 г. По-видимому, его сведения о диссидентском вопросе остановились на упомянутом решении Сейма 1768 г. Вероятно, Сумароков не знал и того, с какими инструкциями был отправлен в Польшу новый русский посол, М. Н. Волконский (близкий к Орлову и Бестужеву, оппонентам дипломатической линии Панина). Между тем, с началом Русско-турецкой войны (объявленной осенью 1768 г.; боевые действия начались в 1769 г.) был не только заменен посол, но и сдвинулись приоритеты русской политики в Польше.⁴²

В-третьих, к моменту, когда Сумароков завершил трагедию, внешнеполитические обстоятельства сильно изменились. Именно в 1770 г. русские войска одержали громкие победы над турками при Ларге и Кагуле, русский флот уничтожил османский флот при Чесме. Известия с фронтов об этих успехах затмили польский вопрос настолько, что различия между позициями в нем перестали быть существенными, а сам фон потерял актуальность. Это заметно, в частности, по реакции Сумарокова. Лето 1770 г. он проводит в деревне, после болезни; «к творческой работе он вернулся только осенью. В сентябре у него возник замысел драмы о победах русского флота в Морее, похищенный, как он жаловался позднее, П. С. Потемкиным для пьесы „Россы в Архипелаге“».⁴³ 23 сентября 1770 г. Сумароков посылает Екатерине II и Г. В. Козицкому оду на победы русского оружия, а о трагедии уже ничего не сообщает. Придворная судьба «Димитрия...» была туманна, и только поездка в Петербург осенью-зимой 1770–1771 гг. определила ее перспективы.

⁴¹ Там же. С. 77–78.

⁴² Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II... С. 121–123.

⁴³ Степанов В. П. Сумароков Александр Петрович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я). С. 196–197.

Не возьмемся утверждать, что польский вопрос стал причиной написания трагедии или что в замысел Сумарокова входило отражение его перипетий, но как фон для трагедии он очевиден и необходим.

Итак, в исторических сочинениях XVIII в. Самозванец предстает как ставленник папского престола и польской короны. Заострение религиозной проблематики в сравнении с политической у Сумарокова должно было происходить как под влиянием источников определенной направленности, так и под влиянием традиции школьной драматургии, а также в связи с актуальными событиями русско-польских отношений.

Современники же могли увидеть совсем другие связи с реальностью, которые создатель образа Самозванца не мог предугадать.

Парадоксально, но именно эта — впервые в его драматургии — подлинная историческая фигура стала одной из причин непростой театральной судьбы трагедии. В. П. Степанов отмечал, что она «попала на сцену только после подавления восстания Пугачева, когда уже перестала ощущаться ее прямая аллюзионность».⁴⁴ Пугачевское восстание, которое названо Степановым в качестве причины отсутствия постановок «Дмитрия Самозванца» на общественной сцене, все-таки началось значительно позже, чем трагедия была написана, поставлена на придворном театре и опубликована. Но нельзя не отметить, что в произведении Сумарокова оказалось заложено то, что спровоцировало актуализацию параллели — история возмездия несправедливому социальному порядку, обернувшаяся катастрофой.

Самозванец, — пишет современный исследователь об историософском потенциале фигуры Лжедмитрия I, — представляет собой фигуру, с максимальной полнотой скрывающую / раскрывающую диалектику власти, интериоризирующую столкновение «Я» и «Другого». С одной стороны, он является тем опасным «Другим», уничтожая которого власть утверждает свой авторитет, но, с другой, — он сам персонифицирует собой место власти, поскольку через его тело непосредственно проходит граница между собственным «Я» и чужим авторитетом, который он пытается перехватить, объявляя себя носителем этой обжигающей и опасной (опасной уже для собственного «Я») властной харизмы. Функционирование его субъективности — это живая драма, театр власти

⁴⁴ Степанов В. П. Сумароков Александр Петрович. С. 196. Правда, это не могло относиться к контракту с Бельмонти, заключенному 29 марта 1771 г., т. е. уже после петербургского придворного спектакля, и содержавшему запрет на постановки «Дмитрия...» в Москве (см.: Там же. С. 197).

одного актера», <...> наиболее яркая манифестация абсолютной власти именно в самозванце <...> представляющий «наиболее яркую манифестацию абсолютной власти».⁴⁵

С другой стороны, самозванец бросает «вызов власти, позволяющий структурироваться социальному недовольству и сам являющийся ответом на назревающий социальный кризис. Возглавляемая самозванцем война состоит не столько в том, чтобы перейти из одного статуса в другой <...>, сколько в том, чтобы через ролевое присвоение самого высокого статуса в империи вернуть различным социальным группам их изначальный, родовой, доимперский статус, „идеализированное автономное прошлое“».⁴⁶

Для Сумарокова это могло быть как бы оборотной стороной интереса к «золотому веку», в целом характерного для его творчества («Сон. Счастливое общество» (1759), первоначальный вариант «Хора ко превратному свету» (1762–1763), переложение 83 псалма (1773–1774) и т. д.),⁴⁷ своего рода исследованием антиутопии, в которую грозит превратиться реальность под воздействием искаженного представления об идеале.⁴⁸ Полагаем, что он видел потенциал развития сюжета о Димитрии именно в этом русле.

Историзм Сумарокова не был историзмом ученого или автора археологического романа (зарождавшегося трудами Ж.-Ж. Бартеlemi как

⁴⁵ Калинин И. А. «Он грань хотел стереть меж тем, чем был и чем казался». Самозванцы и диалектика Империи: Статья вторая // Новое литературное обозрение. 2020. № 6. С. 555.

⁴⁶ Там же. С. 554.

⁴⁷ См., напр.: Baer S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford, 1991; Алексеева Н. Ю. Переложение-переосмысление А. П. Сумароковым 83 псалма // Аониды: Сб. ст. в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. М.; СПб., 2013. С. 17–23; Кочеткова Н. Д. А. П. Сумароков и масонство // Русская литература. 2022. № 1. С. 30.

⁴⁸ Каким бы анахронистичным ни был этот термин применительно к литературе XVIII в., круг проблем, связанных с антиутопией, был известен русской культуре через сатирические произведения, а роман, считающийся одним из провозвестников жанра, «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта, вызывал интерес в России в 1760–1770-е гг., в том числе в круге лиц, близких Сумарокову (Козицкий, Панины, Новиков и др.), см. об этом: Левин Ю. Д. Раннее восприятие творчества Джонатана Свифта // Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России. Л., 1990. С. 103–133. Не забудем и о сумароковском переводе «Микромегаса» Вольтера (см.: Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер, XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978. С. 14–17).

раз в эти годы), но историзмом драматурга (кажется, именно с этой позиции он сообщает Миллеру о том, что не нужно публиковать исторические документы полностью).⁴⁹ Опираясь на источники, имея в виду как актуальные политические события, так и устойчивые образы и идеи, он был больше всего близок Шекспиру. Однако высказывание Сумарокова о его переделке «Гамлета» («Гамлет мой <...> на Шекеспирову трагедию едва, едва походит»)⁵⁰ неожиданно оказалось пророческим по отношению к «Димитрию Самозванцу».

В трагедию было вложено много труда (ср. «изодрать намерен» в письме к Г. В. Козицкому от 25 февраля 1770 г.),⁵¹ и все-таки она не «покажет России Шекспира» (как было объявлено в том же письме). Ограничиться простым переложением «Ричарда III» Сумароков не мог. Историзм как свойство самой трагедии, связывающее ее с Шекспиром, в какой-то степени стал и причиной неудачи в «творческом состязании»⁵² с ним.

Шекспир опирался на хроники, целый ряд его пьес получили такое жанровое название.⁵³ Сумароков также использовал исторический материал в «Димитрии...», изменив лишь немногие факты (Ксения у него дочь не Годунова, а Шуйского; в пьесе фигурируют вымышленные лица: никогда не существовал наперсник Димитрия Пармен, как и возлюбленный Самозванцевой жертвы князь Георгий Галицкий, хотя северо-восточный город Галич и упоминается в рассказах о Смутном времени; и т. п.). Шекспир создал характер Ричарда III, а Сумароков вслед за ним создал *характер* Димитрия, о котором ничего известно не было. Кон-

⁴⁹ Они «должны быть совсем по-иному подготовлены, если им предстоит увидеть свет; ведь в рукописях много бесполезного, очень часты однообразные записи и *утомительные повторения*» (см.: Письма А. П. Сумарокова... С. 120; курсив мой. — А. С.). В оригинале по-немецки: «viele unnütze Sachen» и «ennuyantes répétitions» (Берков П. Н. Шесть писем А. П. Сумарокова к историографу Г.-Ф. Миллеру... С. 380).

⁵⁰ Сумароков А. П. Ответ на критику // Сумароков А. П. Стихотворения / Под ред. акад. А. С. Орлова; при участии А. Малеина, П. Беркова и Г. Гуковского. Л., 1935. С. 363 (Сер.: Библиотека поэта).

⁵¹ Письма А. П. Сумарокова. С. 133.

⁵² Клейн И. Сумароков и Ржевский. «Димитрий Самозванец» и «Подложный Смердий» // Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 389.

⁵³ О шекспировском подтексте «династической» серии поздних трагедий Сумарокова см.: Веселова А. Ю. Об исторической основе поздних трагедий А. П. Сумарокова // Словесность и история. 2022. № 1. С. 119–120.

фликт, как и у Шекспира, приобретает всеобъемлющий план благодаря раскрытию образа Самозванца. Он мог остаться просто функцией в сюжете — тираном, мучающим влюбленных и политических врагов, — а стал угрожающе символическим обобщением грешной человеческой жизни. Масштаб конфликта, вовлечение неба и ада, конечно, должны было сильно воздействовать на чувства зрителей, но это шло вразрез с театральными привычками и тенденциями эпохи и в какой-то мере разрушало аллюзии на современную политику. По сути, Сумароков представил архаический, а не преромантический язык и мир (с которыми связан виток интереса к Шекспиру, вплоть до его культа у романтиков). Поэтому новые поколения русских писателей раскрывали исторический потенциал этого сюжета заново, без ориентации на Сумарокова.⁵⁴

⁵⁴ Ср. отказ рассматривать «Дмитрия Самозванца» как предшественника «Бориса Годунова» в академическом комментарии: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб., 2009. Т. 7. С. 611 (коммент. Л. М. Лотман).